

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Proishozhdenie i osnovnye polozeniâ kul'turnoj antropologii literatury

Author: Ewa Kosowska

Citation style: Kosowska Ewa. (2020). Proishozhdenie i osnovnye polozeniâ kul'turnoj antropologii literatury. "Vestnik Kul'tury Isskustv" (2020) no. 2, s. 96-105.

Uznanie autorstwa - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie pod warunkiem oznaczenia autorstwa.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

В текущем выпуске представлена статья доктора гуманитарных наук, профессора Силезского университета г. Катовице (Польша) Евы Косовской (Ewa Kosowska). Обращаясь к признанному европейскому специалисту по проблемам культурной антропологии, народной художественной культуры, редакция преследовала цель актуализировать (и в чем-то обострить) профильный дискурс. Автор делает выводы, ориентируясь преимущественно на идеи западных исследователей. Тем интереснее представленная точка зрения, понятнее методология польской культурологической школы. Редакция надеется на развитие предложенного научного сюжета, возможную дискуссию и расширение круга авторов, готовых продолжить тему, начатую данной публикацией.

УДК 008

Е. Косовска

профессор, хабилитированный доктор
гуманитарных наук (Dr Hab.)

Силезский университет, Катовице, Польша

E-mail: ewa.kosowska13@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4994-1517

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена концепции и реализации проекта, предполагающего возможность проведения антропологических и культурных исследований с привлечением художественных литературных произведений. Подчеркивается, что познавательная функция литературы давно была очевидна читателям и ученым. Наряду с антипозитивистским прорывом и развитием исследований по эпистемической автономии мира, представленного языковыми высказываниями, возникли сомнения в достоверности информации, содержащейся в тематических текстах. Работы в области художественной литературы подтверждают тезис о ее уникальности; познавательная функция произведений была проанализирована как часть исследования реализма. Размышления о проблемах реализма в литературе в данную статью не включались. Автор сосредоточилась на попытке определить сферы, в которых литературные и исторические исследования соответствуют культурным. Несмотря на согласие с тезисом об онтологической обособленности литературного произведения, подчеркивается, что с точки зрения антропологии литературы основным предметом изучения является не литературное произведение, а культура, в которой оно было создано и из элементов которой был построен художественный образ изображаемого мира. Статья заканчивается попыткой представить методологические основы анализа работы с точки зрения культурной антропологии литературы.

Ключевые слова: литература, культурная антропология, культурная антропология литературы

Для цитирования: Косовска, Е. Происхождение и основные положения культурной антропологии литературы / Е. Косовска // Вестник культуры и искусств. — 2020. — № 2 (62). — С. 96—105.

Идеал сочетания красоты, добра и истины сохранился в элитарной европейской культуре со времен древней Греции и до рубежа XVII и XVIII вв., когда современная на тот момент декартовская идея (призывающая делить сложный объект на более мелкие части для их последовательного осмысления) преодолела барьер философии и соз-

дала основу методологии других наук¹. В то время начался формальный распад платоновского единства: триаду красота, добро и истина функционально разделили. Истину

¹ С XVII в. эти науки в Европе были в значительной степени связаны с экспериментальными исследованиями, повторяемостью, а позднее — также с целенаправленной проверкой и фальсификацией результатов исследований.

стали относить к точным и эмпирическим наукам, добро выступило в качестве предмета многочисленных моральных трактатов, лежащих в основе современной этики, а красота, признанная областью искусства и материалом различных художественных форм, принадлежит эстетике [3]. Литературе был присвоен статус искусства слова, однако изначально ее право передавать объективную истину не ставилось под сомнение. Напротив, многие романисты XIX в. программно реализовывали постулат реализма (Стендаль, Оноре де Бальзак). Высоко ценился жанр романа нравов. Кроме того, моральное послание превратилось даже в некоторую обязанность писателей того времени. Смысл исторического романа воспринимался несколько иначе. Хотя на рубеже XVIII – XIX вв. его познавательная функция не отвергалась, он относительно быстро превратился в узурпатора, опасного конкурента исторических произведений, с давних пор претендовавших на право достоверно сообщать факты². Дискуссия о правдивости исторического романа, начавшаяся в то время, затянулась на несколько десятилетий.

Наряду с антипозитивистским переломом и динамичным развитием литературных исследований в Западной Европе критики начали говорить об ограниченном значении литературного произведения в области познания. С одной стороны, предмет все более многочисленных литературных анализов и интерпретаций становились прежде всего методы художественной обработки внетекстовых переживаний, индивидуальных представлений и даже свободных ассоциативных связей. С другой – самой «представленной реальности» все чаще отказывали в гносеологической легитимности для передачи истины о внетекстовом мире [10]. Со временем все сильнее подчеркивалась автономия литера-

турного выражения и онтологическая обособленность мира, представленного в языке³.

Дискуссии об истине в литературе того времени достаточно долго не касались так называемых фольклорных текстов. В конце XIX столетия в Европе уже были собраны большие коллекции таких материалов, рассматривавшихся как источник знаний о традиционных крестьянских культурах. В этом случае познавательная функция сказок или песен не ставилась под сомнение. Напротив, считалось, что во всех видах фольклорных произведений всегда была представлена достоверная информация о сообществе, где какая-либо история создавалась или получила признание слушателей. Поиски этой информации привели к тому, что в некоторых европейских странах фольклористика со временем превратилась в отдельную науку, занимающуюся художественной устной традицией. Также появился интерес к специфике такого способа передачи информации.

С середины XIX в., когда антропологи начали систематически документировать содержание традиционных культур, устные рассказы стали важной частью собираемых ими материалов. Они признавались верными на основании того, что так называемые простые люди не способны к конфабуляции. Эти истории выступили предметом изучения верований, народного творчества, систем родства и социальных отношений и, наконец, иерархий ценностей и местных представлений о мире. Получившееся эпистемологическое несоответствие в отношении различной трактовки литературы и записей первоначально устных текстов осталось незамеченным. Вот почему сказки коренных народов, отмеченные этнографами, антропологами и фольклористами, часто рассматриваемые как результат коллективного творчества, могли быть прямым источником

² В 1824 г. Леопольд фон Ранке объявил, что задача историков заключается в том, чтобы описывать «как это было на самом деле» (wie es gewesen sein) [9]. Таким образом, идеологически история приблизилась к точным наукам. Это также стало радикальной попыткой отойти от литературных произведений, которые в то время благодаря Вальтеру Скотту пользовались большим успехом в Европе.

³ Кризис западной метафизики и связанные с этим гносеологические сомнения переросли в различные предложения системных решений, сформулированные литературоведами в отдельных академических центрах Европы и США. Они находились в сильной зависимости от умозаключений ученых, занимающихся лингвистикой и философией языка (Людвиг Витгенштейн, Ричард Рорти), чьи концепции оказали влияние на интерпретацию художественного литературного дискурса.

знаний о культуре. В то же время художественная авторская литература, основанная на вымышленных сюжетах, выполняла аналогичную функцию только тогда, когда была создана в русле реализма. Филологи даже при поиске реалистических черт в произведениях стали подходить к реконструкции культурных правил скептически, так как это означало бы изменение фокуса анализа: **предметом исследования было бы не литературное произведение, рассматриваемое автономно, а культура, частью которой оно являлось.** Таким образом, могло бы дойти до обесценивания творческих усилий, приложенных к художественной трансформации внешнего мира во внутренний мир текста, а интерпретационные усилия, направленные на расшифровку письменных практик, могли быть поставлены под сомнение. Поэтому исследователи, подчеркивающие самостоятельность литературного произведения, находятся в естественном конфликте с культурологами, для которых литература — это один из продуктов, косвенно передающих знания о других продуктах. Примечательно, что представители других гуманитарных и социальных наук, в том числе социологи, психологи, антропологи и прежде всего историки, часто помещают «истинность текста» в «феноменологические скобки», полагая, что, хотя проблема грамотности в формировании специфики культуры не может быть устранена, ей не следует уделять чрезмерное внимание. Историк, работающий с документом ушедшей эпохи, рассматривает его, главным образом, как прямой источник знаний (до тех пор, пока не обнаружит, например, преднамеренный подлог); для него сам способ представления мира и связанные с ним условные обозначения — второстепенный предмет исследовательского интереса. Представления в области поэтики исторического письма в этом отношении мало изменились (Хайден Уайт); научное сообщество приняло их с ограниченным одобрением или, скорее, проигнорировало их.

Гораздо более выражено в области культурной антропологии проявился «нарративный поворот»: в 70-х гг. XX в. многочисленные работы, особенно вышедшие в США,

начали подрывать когнитивную правдивость больших полевых монографий первой половины столетия. Эти издания, ранее считавшиеся незаменимым источником знаний о неевропейских культурах, стали предметом подозрений и многочисленных нападков, что в свою очередь ограничило популярность полевых исследований и соответственно новых поисков. Параллельные цивилизационные изменения также трансформировали этос полевого исследователя. В то же время новые интерпретаторы старых монографий решительно подчеркивали их зависимость от литературных правил. Привлекательная форма, в которой некоторые исследователи (Бронислав Малиновский, Клод Леви-Стросс) представляли свои наблюдения и мысли об описанных культурах (благодаря этой форме они часто получали средства для дальнейших исследований), со временем стала основой для сомнений в достоверности представленных результатов: отдавая должное литературным качествам этих описаний, их научную надежность ставили под сомнение. К этим сомнениям добавились недоразумения относительно публикации дневников Малиновского: подчеркивались различия между позицией исследователя, заявленной в официальных монографиях, и его личными суждениями о коренных народах. В то же время тот факт, что в течение нескольких месяцев в совершенно чужой обстановке дневник был не столько хранителем личных тайн, сколько средством для снятия повседневного стресса и негативных эмоций, полностью игнорировался [6].

Оба этих фактора — акцентация нарративного характера этнографических монографий (Клиффорд Гирц) и подрыв их авторитета — вызвали кризис в области антропологических эмпирических исследований. Его усугубил страх, что доминирование научных исследований в результате постоянных попыток обойти проблемы, возникающие из-за природы языка, приведет к возникновению непреодолимого когнитивного барьера.

* * *

В Центральной Европе в 1970–1980-х гг. появилось несколько работ, косвенно и несмело затрагивающих проблему использова-

ния художественной литературы для исследований, прежде всего исторических, а также культурных и антрополого-культурных. В это время симптомы значительных изменений были видны очень отчетливо: в общественной жизни долго существовавшие реликты давних сословных культур медленно, но верно исчезали, смешивались разные образы жизни, отмечался еще один кризис этоса интеллигенции, создававшегося с середины XIX в. Во многих странах этого региона, в частности в Польше, последствия исторических событий не создали благоприятных условий для глубокого осмысления традиций и специфики родной культуры. Поспешное документирование следов старых традиций, начавшееся в середины XIX в. и проходившее в неблагоприятных условиях разных регионов страны, обязательно включало в себя сохранившиеся артефакты и некоторые устные свидетельства. Достижения сословных культур (шляхты, крестьян, мещан) были тогда очень узнаваемы и уважались во многих семейных кругах и средах. Устная традиция, передача информации от поколения к поколению имела высокий статус, поддерживая, среди прочего, этос польского патриота. Старые реалистические и исторические романы вызывали интерес, потому что мир, представленный в них, был все еще понятен и близок. Литературе второй половины XIX — первой половины XX в. удалось уловить и сохранить некоторые образы мышления и модели поведения, характерные как для польской знати, так и для крестьянской культуры. Сословная структура, сложившаяся в XIV — XV вв., относительно стабильная, теоретически должна была исчезнуть с упадком феодализма и началом индустриализации. Однако в результате утраты независимости Речи Посполитой она сохранилась гораздо дольше, по крайней мере в плане норм и обычаев, а ее окончательный официальный крах произошел в середине 60-х гг. XIX в. (указ об отмене крепостного права в польских губерниях Российской империи). Причем яркая память о старой иерархии сохранялась на протяжении более ста лет и постоянно использовалась в качестве материа-

ла для многих литературных произведений, которые в течение нескольких десятилетий пользовались огромной популярностью во всех социальных слоях. Одновременно со снижением этого интереса появились признаки культурного разрыва: последующим поколениям молодых людей становилось все труднее понимать мотивы, выбор и поведение героев произведений, входящих в учебную программу. За последние полвека литературный канон несколько раз менялся, что определенно углубляло проблемы, связанные с пониманием разнообразия различных форм старой культуры. В то же время относительно радикальные трансформации, произошедшие в лексическом слое языка, наряду с ускоренным изменением материальных условий жизни постепенно лишали читателей возможности наслаждаться прозой, которая очаровывала предыдущие поколения. Повседневный опыт больше не подтверждал реалии, описанные в старых романах. Также ослабла мода на интерес к прошлому, которая появилась в конце XVIII в. и отождествлялась с патриотизмом. Тем не менее реликты предыдущих формаций все еще сохраняются в форме остаточных знаний, некоторые привычки и стереотипные оценки передаются из поколения в поколение. Остатки традиции существуют в основном благодаря домашнему воспитанию: избирательному и основанному на случайно сохранных элементах давних сословных и региональных культур. Это воспитание чаще всего касается религиозных и семейных обычаев, основ этикета, рецептов, элементарных медицинских знаний (профилактика, уход за детьми, фитотерапия) и принципов социального сосуществования, привитых маленьким детям. Большая часть традиционной культуры сохраняется в форме отношений и привычек, но их происхождение забывается.

Специфическим явлением стало то, что в последние тридцать лет шляхетская культура вновь пользуется большим уважением в Польше. Это может выглядеть удивительно, но спустя десятилетия интерес к генеалогии и семейным историям возрождается,

а число клиентов компаний, занимающихся геральдикой, увеличивается. Историки и социологи сходятся во мнении, что в I Речи Посполитой число людей, стремящихся войти в ряды шляхты, было самым высоким в Европе, однако это не объясняет того факта, что в современной Польше потомки даже обедневших шляхетских родов гораздо чаще, чем представители других слоев населения, пытаются доказать свое родство с ними. Из-за прерывания традиции устной передачи знания о происхождении многих современных установок и поведении были забыты в семьях. Тем не менее информация о них частично сохранена в литературных текстах.

Литературные миры содержат много информации о внетекстовой реальности. Некоторые из них — это результат наблюдений, сделанных автором, и его знаний, в то время как другие включают, казалось бы, незначительные детали, в том числе непреднамеренную, сенсорную, произвольную и, казалось бы, очевидную информацию. С течением времени последние приобретают особую ценность для культурного антрополога.

* * *

Концепция антропологии литературы родилась в Польше в то время, когда последствия социальных изменений, начавшихся в середине XX в., стали очевидными. На эти изменения повлиял целый комплекс причин. К наиболее очевидным относятся военные потери в слое хорошо образованной довоенной интеллигенции; закрепленный на законодательном уровне конец сословия шляхты, сопровождавшийся разделением крупных землевладений; ускоренная индустриализация; продвижение по социальной лестнице многих способных и амбициозных представителей социальных слоев, ранее имевших ограниченный доступ к образованию и значимым государственным должностям; и, наконец, политические изменения, поддерживаемые развитием средств массовой коммуникации и демократизацией общественной жизни. Страна, которая веками жила только сельским хозяйством, за несколько десятилетий превратилась в промышленное и сельскохозяйственное госу-

дарство. Очевидно, что этот процесс повлиял на изменение взглядов и поведения, закрепленных в аграрной культуре: с прекращением доминирования модели семьи из нескольких поколений в пользу нуклеарной семьи пострадали связи между поколениями, миграция поколебала традиционную структуру социальных связей (семейных, соседских, дружеских), а сословные нравственные нормы все чаще заменялись унифицированными правовыми.

В результате традиции, составлявшие специфику старой польской культуры, потеряли свою значимость, а память о прошлом была уменьшена до политически полезных элементов исторического знания. Однако сохранилось узкое понимание культуры XIX в., которое редко выходило за пределы сферы художественной деятельности и ее материальных результатов. Следует признать, что с 1960-х гг. в академических кругах предпринимались все более смелые попытки подчеркнуть теоретическую полезность широкого определения культуры, но как теоретически, так и практически они привели к маргинализации этой концепции. В Соединенных Штатах и Западной Европе полевые и теоретические исследования, начатые в конце XIX в., позволили культурной антропологии завоевать заслуженную репутацию. Были опубликованы описания отдельных племенных культур с учетом их материальных, социальных и духовных достижений, а также разработаны методологические основы для интерпретации культурного содержания. Велись дискуссии о дефинициях и были найдены оптимальные единицы описания культуры. С конца 1930-х гг. ученые из Центральной и Восточной Европы имели трудности с доступом к результатам этих исследований. С одной стороны, антропология считалась буржуазной наукой, а с другой — большим уважением пользовалось узкое определение, которое требовало включать в культуру только самую ценную часть социальных достижений. Однако со временем становилось понятно, что для научных целей нужна категория с широким подходом, охватывающим все человеческие творения,

необходимая хотя бы для того, чтобы рассматривать искусственно отделенные друг от друга в результате развития отдельных дисциплин формы человеческой деятельности и их материальные конкретизации через сетку взаимосвязей, через диахроническую непрерывность и синхронные связи. Слово «культура» подходило для этого лучше всего. Это было время, когда понятие национальной культуры и польской культуры использовалось довольно часто. Делались отсылки к национальным традициям, публиковались работы историков и этнографов XIX в., осуществлялись серьезные исследования по истории польской культуры. Однако предмет этих исследований не имел очевидного онтологического статуса: много места отводилось отдельным элементам шляхетской и крестьянской традиции, при этом меньше — региональным условиям, определяющим разнообразие традиций в отдельных частях страны. Специфическая история польского государства⁴ не способствовала изучению родной культуры в ее региональных и сословных вариантах. В XIX в., когда немцы, французы и англичане подробно описывали свои исторические обычаи, а также художественные, интеллектуальные и исследовательские достижения, поляки строили железную дорогу в Андах, работали над техническими изобретениями и внесли значительный вклад в изучение Сибири, Меланезии, Африки и Австралии [8]. Однако их достижения едва ли известны даже в Польше, поскольку разрозненные творческие и познавательные усилия не рассматривались как часть большего целого, в данном случае — как часть польской культуры. В результате несмотря на различные попытки, предпринятые историками, социологами, географами, этнографами, литературоведами и другими исследователями, польская культура все еще плохо описана, и ее специфика не

очевидна даже для самих поляков, эмоционально тесно связанных со своей родиной.

* * *

Перечисленный выше набор условий означал, что принятие решения изучать литературу с точки зрения традиций и методологических требований культурной антропологии было нелегким делом. Речь шла не просто о процессе каталогизации реальностей в литературе под другим названием — этим уже давно занимались представители различных дисциплин, причастные ко многим важным открытиям. Задача заключалась в реконструкции культурной системы, в которой эти реалии играли особую роль. В достаточной степени систематизированную лекцию о подобной концепции я опубликовала в 1990 г. [4]. Вскоре после этого понятие антропологии литературы появилось в работах других польских исследователей, но оно было истолковано по-разному и в различных вариациях [7]. По этой причине спустя несколько лет я предложила отличать культурную антропологию литературы⁵ от философской антропологии литературы, литературной антропологии и социологии литературы [5].

Культурная антропология литературы черпает методологическое вдохновение прежде всего из теории культуры, а обширные исторические и культурные исследования должны интерпретировать конкретные проявления преемственности и изменений, зафиксированных в литературных произведениях. Начиная ориентированные в таком направлении исследования несколько лет назад, я попыталась преодолеть одно из самых серьезных методологических препятствий, которое заключалось в попытке восстановить культуру на основе исторического романа. Для

⁴ С XVII в. Польша была втянута в войны и династические споры, постепенно утратила политический суверенитет, а затем и вовсе исчезла с карты Европы на 123 г., возродилась на двадцать лет, понесла большие людские и материальные потери во Второй мировой войне, а затем подверглась ускоренному процессу индустриализации и демократизации.

⁵ Антропологический и культурный подход вдохновил Анну Гомулу, Марека Пацюкевича, Малгожату Рыгельскую, Александру Ахтелику и других исследователей, имеющих отношение к силезской культурологии. Эугениуш Яворский, этнограф и антрополог, последовательно отстаивавший первенство культуры в качестве предмета исследования, внес огромный вклад в создание и развитие этой концепции, что было нелегкой задачей в среде, где доминировали филологи. Многолетнее сотрудничество с ним породило ряд исследований по теоретическим основам антропологического и литературного анализа.

этого я выбрала «Потоп» Генрика Сенкевича, произведение, опубликованное в 1885 г. и описывающее события времен польско-шведских войн середины XVII в. Я работала над анализом одной героини (важной, но не главной), пытаясь на этой основе реконструировать антропологическую и культурную модель шляхтянки.

Проблема, поставленная таким образом, казалась очень важной, особенно в контексте новой для Польши моды на феминистские исследования, навеянной западными изданиями. Авторы наиболее цитируемых в этой области работ использовали в своем анализе и социальных диагонастиках те реалии, которые плохо соответствовали знаниям о сфере автономности, обязанностях и положении женщин в традиционной польской культуре. Опускание исторического контекста не позволило выявить различия, сформировавшиеся на протяжении веков в относительно разделенных культурах, но дало возможность подчеркнуть сходство, порожденное подобным образом жизни в более или менее мобильных индустриальных и постиндустриальных обществах. По этой причине исторические исследования, казалось, были императивом момента, и роман «Потоп», хорошо известный многим поколениям, хотя и постепенно теряющий популярность, мог стать ключом к освещению партнерской роли женщин в польской шляхетской и не только культуре. Анализ этой роли в свою очередь потребовал реконструкции более широкого контекста культуры XVII в. и проверки того, насколько этот контекст оставался понятным, известным и близким во время создания произведения и в какой степени его воспроизведение могло объяснить современному читателю все менее читаемые мотивы героев романа. Поскольку не все элементы этого контекста были полностью утрачены, хотя большая их часть перестала быть очевидной, существовала высокая вероятность того, что воспоминание старых правил покажет происхождение и значение по крайней мере некоторых современных установок и поведения. Это прагматиче-

ское обоснование было равносильно попытке построить методологические основы антропологии литературы.

При анализе использовались теоретические достижения культурной антропологии, признававшей существование множества культур, с одной стороны, похожих друг на друга из-за идентичности человеческой природы и необходимости удовлетворения основных потребностей, а с другой — разных из-за отличных условий жизни, по-иному развитых вторичных потребностей, иначе семиотизированных продуктов и специфических для отдельных обществ иерархий ценностей. Это предположение привело к выдвижению постулата изучения культур отдельных групп как относительно обособленных и уже сформированных. Наибольшее внимание антропологи уделяли малочисленным экзотическим дописанным обществам. Это косвенно привело к достаточно небольшому количеству научных монографий, посвященных культурам европейских народов, которые считались слишком сложными, чтобы подвергаться целостному анализу. Исключением в этом отношении стали антропологически ориентированные труды исследователей французской школы «Анналов».

В Польше были предприняты попытки работы над историей национальной культуры, но ее антропологический синтез до сих пор не создан, в том числе из-за отсутствия соответствующего эмпирического материала. Литературный антропологический проект предполагает среди прочего возможность получения ранее не инвентаризованных данных о культуре и проверки информации, доступной в других источниках. Однако его успех зависит от выполнения нескольких основных условий. Поиск информации о культуре в литературном произведении — если он системный, учитывает специфику конкретного сообщества, а не носит случайный характер и рассматривается как свидетельство эрудиции или индивидуальных предпочтений автора, — должен быть подчинен четким методологическим процедурам. Проект, предложенный в 1990 г., на теоретическом уровне во многом был обязан функ-

циональным, структурным, семиотическим и проксеимическим исследованиям культуры. Важную роль в его развитии сыграло предложение выдающегося медиевиста и историка культуры Арона Яковлевича Гуревича [2], интересовавшегося антропологическим и культурным подходом к истории. В «Категориях средневековой культуры» Гуревич выделял время, пространство, изменение, причину, судьбу, число, отношение рационального к нерациональному, части к целому. Он также указал на такие понятия, как личность, группа, работа, богатство, собственность, свобода, закон и справедливость, понимание которых меняется в зависимости от времени и пространства. Таким образом, предложение Гуревича содержит список фундаментальных категорий, в которых, прежде всего с позиций евроцентризма, можно воспринимать и описывать специфику отдельных эпох, а также культур, анализируемых с учетом диахронических изменений. Однако с точки зрения культурной антропологии литературы предполагается, что, например, категория времени, которой литературоведы уделили необычайно много внимания, может быть полезным профилем изучения культуры только тогда, когда у нас есть материал, показывающий участие в темпоральных отношениях конкретного человека, живущего в определенном пространстве-времени. Тот факт, что он является героем вымышленной истории, не должен дискредитировать познавательные ценности сообщения, но информация, полученная таким образом, всегда требует проверки и подтверждения в других литературных текстах, и прежде всего в нехудожественных дискурсах.

Принятие со стороны читателей также важно. Здесь следует упомянуть, что литературоведы не слишком уважают произведения, буквально изображающие реальность. Как правило, они обвиняют их в натурализме и привязанности к деталям, отсутствию оригинальности, сомнительной художественной ценности. Несмотря на мнения критиков, у этого направления довольно много поклонников, ищущих простое и ясное подтверждение своего опыта в литературе. Как ни парадок-

сально, тексты, не рассматриваемые литературоведами в качестве примеров «хорошей литературы», могут стать важным источником знаний для антрополога. Если их популярность сохраняется в течение, как минимум, двух поколений, стоит рассмотреть причины: литературные произведения, которые по разным причинам не получили всемирной известности, но ценятся на местном уровне, могут содержать ценные сведения о культуре конкретного сообщества. Их изучение — одна из ведущих задач антропологии литературы.

Исторические романы, написанные в XIX в. на основе документов (некоторые из них впоследствии были уничтожены), могут помочь воссоздать более древние слои культуры. Важная информация о материальном слое польской культуры содержится, например, в романах Юзефа Игнацы Крашевского, где можно найти подробные описания в частности исторических предметов быта. Между тем исторические и другие романы Сенкевича содержат мало подробных описаний мест или объектов. Вместо этого он пишет о поведении, свойственном для отношений человек — человек, человек — объект, человек — животное, отношении человека к причине, судьбе, изменениям, работе, богатству, собственности и т. д. Этот материал более ценен, потому что менее распространен и может быть дополнен литературно задокументированными реальностями, содержащимися в работах других авторов.

Поведение персонажей романа часто раскрывает правила, характерные для данной культуры, которые указывают на области официальных запретов и степень социального согласия на отклонения от них. Сюжеты содержат следы скрытых норм, не всегда вербализованных, но узнаваемых на практике (межличностные расстояния в зависимости от ситуации, приемлемое поведение в защиту жизни и достоинства). Они иллюстрируют напряженность между правовыми нормами и моральными императивами, таким образом документируя связь между идеальными образцами и их потенциальной реализацией. На основе вымышленных поступков героев различных произ-

ведений, действие которых разворачивается в сходных социальных реалиях, антропологу иногда удается установить образцы реальных установок и реакций, встречающихся в данной среде; литературные свидетельства также позволяют отслеживать изменения в конструкции некоторых моделей⁶. И, наконец, самая важная проблема: антропологический анализ нового материала может выявить аксиологические детерминанты, действующие в данной культуре. Ценности, распознаваемые как «свои», т. е. определяющие принадлежность к системе и регулирующие социальные отношения, создают канон, формирующий отношение к личности, и иногда рассматриваются как достойные защиты в ситуациях социальной угрозы. Литература, напоминая о существовании этих ценностей, охраняет преемственность данной культуры; литература с универсальными амбициями играет роль посредника между обществами традиционного уклада.

Культурная антропология литературы может быть полезна для поддержания национальной и региональной идентичности. Она также способна оказать большую услугу в понимании культур, чьи традиции долгое время передавались только в устной форме, а специфика формировалась вне сферы влияния европейской цивилизации, включая европейскую философию и евроцентристскую систему ценностей. Согласно исследованию Мурро Эдмонсона, из примерно 3000 языков, на которых разговаривали в конце 1960-х гг., только на 78 имелась литература [1]. Использование этого потенциала остается большой задачей гуманитарных наук.

⁶ Например, в XVII в. польский шляхтич был возмущен тем фактом, что королева Марысенька Собеская, родом из Франции, подавала руку для поцелуя в перчатке. В XVIII и XIX вв. это уже стало общей нормой, обязательной, однако, только вне помещения; дома дама не надевала перчатки. В XX в. женщина должна была снять перчатки, прежде чем подать руку для приветствия или прощания, а мужчина с хорошими манерами — поцеловать протянутую руку. В конце прошлого века существовала мода подносить руку женщины к губам, а не целовать ее. В то же время некоторые феминистки полагали старый обычай сексистским и негигиеничным, и многие мужчины отказались от этой формы выражения уважения. В настоящее время он становится все более редким и используется в основном в отношении пожилых и уважаемых женщин.

1. Edmonson M. S. 1971. *Lore: An Introduction to the Science of Folklore and Literature*. New York: Holt, Rinehart and Winston. P. 323, 332. [Знание: Введение в науку о фольклоре и литературе].
2. Guriewicz A. J. 1976. *Kategorie kultury średniowiecznej*. Warszawa: Państwowy Instytut Naukowy. P. 17. [Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1972].
3. Habermas J. 1981. *Die Moderne. Ein unvollendetes Projekt*. Klempolitische Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. P. 444–464. [Модерн — незаконченный проект].
4. Kosowska E. 1990. *Postać literacka jako tekst kultury. Rekonstrukcja antropologicznego modelu szlachcianki na podstawie «Potopu» Henryka Sienkiewicza*. Katowice: Wydawnictwo Śląsk. [Литературный персонаж как текст культуры. Реконструкция антропологической модели дворянки по мотивам «Потопа» Генрика Сенкевича].
5. Kosowska E. 2005. *Antropologia literatury — moda czy metoda? Kultura i Społeczeństwo*. Nr 4: 3–20. [Литературная антропология — мода или метод?].
6. Kosowska E., Jaworski E. 2007. *Antropologia literatury antropologicznej. Przypadek Clifforda Geertza. Antropologia kultury — antropologia literatury. Na tropach koligacji*. Ed. Kosowska E., Gomółka A., Jaworski E. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. P. 112–131. [Антропология антропологической литературы. Дело Клиффорда Гирца].
7. Markiewicz H. 2008. *O antropologii literackiej — z umiarem*. Ruch Literacki. Nr 2. [По литературной антропологии — в меру].
8. Orłowski B. (red.) 2015. *Polski wkład w przyrodoznawstwo i technikę. Słownik polskich i związanych z Polską odkrywców, wynalazców oraz pionierów nauk matematyczno-przyrodniczych i techniki*. Warszawa: Instytut Historii Nauki im. L. i A. Birkenmajerów PAN, Instytut Pamięci Narodowej. V. 1–4. [Польский вклад в естествознание и технику. Словарь польских исследователей, изобретателей и пионеров математики, естественных наук и технологий, связанных с Польшей].
9. Ranke L. 1885. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494–1515* (1824). Leipzig: Verlag von Duncker. XXIII, P. 7. [История романского и германского народов в 1494–1515].
10. Sükösd M. 1971. *Wariacje na temat powieści*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. P. 45–46. (Változatok a regényre, 1971). [Вариации по роману].

Перевод: Магдалена Кожевникова

Получено 17.05.2020

E. Kosowska

Profesor, Dr Hab.

University of Silesia in Katowice,
Katowice, Poland

E-mail: ewa.kosowska13@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4994-1517

Origin and basic assumptions of cultural anthropology of literature

Abstract. The article covers the concept and implementation of the project, which suggests a possibility of anthropological and cultural studies on the fiction works basis. The author states that the cognitive function of literature has been evident for a long time to readers and researchers. The author emphasizes that the cognitive function of literature Along with the antipositivist breakthrough and the development of research on the epistemic autonomy of the world, represented by language statements, there arouse doubts about the reliability of the information contained in the fiction texts. Studies of fiction confirm the thesis of the uniqueness of literature; the cognitive function of the works was analyzed as part of the work on realism. The author hasn't include reflections on the problems of realism in the literature in the article. She focused on the attempts to identify areas in which literary and historical studies are consistent with cultural studies. Despite agreeing with the thesis about the ontological isolation of a literary work, the author emphasizes that from the point of view of anthropology of literature, the main subject of research is not a literary work, but the culture in which it was created and from which elements the artistic image of the depicted world was built. In the conclusion the author makes an attempt to present the methodological foundations of the analysis of work from the point of view of the cultural anthropology of literature.

Keywords: literature, cultural anthropology, cultural anthropology of literature

For citing: Kosowska E. 2020. Origin and basic assumptions of cultural anthropology of literature. *Culture and Arts Herald*. No 2 (62): 96–105.

References

1. Edmonson M. S. 1971. Lore: An Introduction to the Science of Folklore and Literature. New York: Holt, Rinehart and Winston. P. 323, 332. (In Eng.).
2. Guriewicz A. J. 1976. Kategorie kultury średniowiecznej [Categories of medieval culture]. Warsaw: Państwowy Instytut Naukowy. P. 17. (In Pol.).
3. Habermas J. 1981. Die Moderne. Ein unvollendetes Projekt [Modern – unfinished project]. *Kleinepolitische Schriften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. P. 444–464. (In Germ.).
4. Kosowska E. 1990. Postać literacka jako tekst kultury. Rekonstrukcja antropologicznego modelu szlachcianki na podstawie «Potopu» Henryka Sienkiewicza [Literary character as a text of culture. Reconstruction of the anthropological model of a noblewoman based on «The Deluge» by Henryk Sienkiewicz]. Katowice: Wydawnictwo Śląsk. (In Pol.).
5. Kosowska E. 2005. Antropologia literatury – moda czy metoda? [Literary anthropology – fashion or method?]. *Kultura i Społeczeństwo*. Nr 4: 3–20. (In Pol.).
6. Kosowska E., Jaworski E., 2007. Antropologia literatury antropologicznej. Przypadek Clifforda Geertza [Anthropology of anthropological literature. The Clifford Geertz case]. *Antropologia kultury – antropologia literatury. Na tropach koligacji*. Ed. Kosowska E., Gomółka A., Jaworski E. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. P. 112–131. (In Pol.).
7. Markiewicz H. 2008. O antropologii literackiej – z umiarem [On literary anthropology – in moderation]. *Ruch Literacki*. Nr 2. (In Pol.).
8. Orłowski B. (red.) 2015. Polski wkład w przyrodznawstwo i technikę. Słownik polskich i związanych z Polską odkrywców, wynalazców oraz pionierów nauk matematyczno-przyrodniczych i techniki [Polish contribution to natural science and technology. Dictionary of Polish explorers, inventors and pioneers of mathematics, natural sciences and technology connected with Poland]. Warsaw: Instytut Historii Nauki im. L. i A. Birkenmajerów PAN, Instytut Pamięci Narodowej: V. 1–4. (In Pol.).
9. Ranke L. 1885. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494–1515 (1824) [History of Romanesque and Germanic peoples from 1494–1515]. Leipzig: Verlag von Duncker. XXIII, P. 7. (In Germ.).
10. Sükösd M. 1971. Wariacje na temat powieści [Variations on a novel theme]. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy. P. 45–46. (Változatok a regényre, 1971). (In Pol.).

Received 17.05.2020